

В ЛОВУШКЕ НЕОКЛАССИКИ И МАРКСИЗМА

ЕФИМОВ ВЛАДИМИР МАКСОВИЧ,

доктор экономических наук,
независимый исследователь,
Франция,

e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Данная статья является реакцией на книгу Ал. А. Мальцева «Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия» (Мальцев, 2014)¹. Идея написания книги с таким названием просто великолепна. Ставшее сейчас традиционным рассмотрение развития экономических идей как исключительно интеллектуальной истории не может дать понимания их эволюции, так как на эту эволюцию оказывает влияние (нередко решающее) большое количество внешних «факторов». Почему я взял слово «факторы» в кавычки? Да потому, что этот термин для объяснения эволюции экономических идей не является очень подходящим. Он настраивает нас на причинно-следственную модель объяснения этой эволюции, которая для этой цели является совершенно неадекватной. Кукую же модель вместо причинно-следственной нужно здесь использовать? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что экономические идеи создаются, развиваются и распространяются людьми, погруженными в определенные социальные отношения. Эти социальные отношения регулируются определенными правилами, поэтому, чтобы понять эволюцию экономических идей, необходимо выявить эти правила. Эти правила не сводятся к стремлению экономистов познать экономическую реальность. Как показывают многие исторические исследования реального развития экономической дисциплины, гипотеза о том, что социальные отношения, связанные с этим развитием, внутри сообщества экономистов и вне его, мотивируются исключительно стремлением к как можно более точному отражению экономической действительности, в корне не верна. Автор же книги основывается на гипотезе, что «теория есть... более или менее правдивое отражение современных ей условий». Главная, я бы сказал фатальная, ошибка автора рассматриваемой здесь книги состоит в использовании им причинно-следственной модели объяснения эволюции экономических идей и выборе в качестве решающего фактора, действующего в рамках этой модели, «техничко-технологического фактора».

Ключевые слова: маржинализм; кейнсианство; современный экономический мейнстрим; исходный институционализм; идеологическая функция экономикс; «международное научное сообщество» экономистов.

¹ Содержание книги было достаточно подробно изложено в статье Н. А. Макашевой (Макашева, 2014), однако без какого-либо её критического разбора. Вот такому разбору и посвящена настоящая статья.

IN A TRAP OF NEOCLASSICAL ECONOMICS AND MARXISM

VLADIMIR M. YEFIMOV,

*Independent Researcher,
Petit-Bornand-les-Glières, France,
e-mail: vladimir.yefimov @wanadoo.fr*

This paper is a reaction to the book "Economic ideas and the world economic environment: a retrospective of interaction". The idea of writing a book with this title is just excellent. Traditional consideration of the development of economic ideas as exclusively intellectual history cannot give understanding of their evolution, since this evolution is influenced (often critically) by a large number of external "factors". Why did I take the word "factors" in quotation marks? It is because this term is not very suitable to explain the evolution of economic ideas. It orients us to the causal model explaining this evolution, which for this purpose is totally inadequate. What kind of model, instead of causal, must be used here? In order to answer this question it is necessary to keep in mind that economic ideas are generated, developed and transmitted by people, immersed in certain social relations. These social relations are governed by certain rules, so in order to understand the evolution of economic ideas it is necessary to identify these rules. These rules are not confined to the desire of economists to understand economic reality. As it is shown by many historical studies of the real development of the economic discipline, the hypothesis, that social relations within the community of economists are motivated solely by the desire for a more accurate reflection of economic reality is fundamentally wrong. The author of the book is based on the hypothesis that "the theory is... more or less truthful reflection of contemporary to it conditions". The main, I would say fatal, mistake of the author of the book under consideration here is to use a causal model explaining the evolution of economic ideas, and selection of "technological factor" as a decisive factor acting in the framework of this model.

Keywords: *marginalism; Keynesian economics; contemporary economic mainstream; the original institutionalism; ideological function of economics; "international scientific community" of economists.*

JEL: *A11, B12, B13, B25, B41.*

Экономическая политика и институциональные изменения

Замысел Ал. А. Мальцева вкратить историю экономических идей в экономическую историю заслуживает всяческих похвал. Однако экономическая история в книге рассматривается как прохождение всеми странами некоторых этапов развития, детерминированных «техничко-технологическим фактором». И так, если сконцентрированно выразить мое несогласие с концепцией, развиваемой в этой книге, то оно состоит в следующем: экономическая история должна изучаться, прежде всего, как институциональная эволюция, а история экономической мысли, с одной стороны, как сопровождающая эту эволюцию, а с другой - как институциональная история самой экономической науки. Грубо говоря, автор как-бы пытается проследить связь этапов экономического развития и соответствующих им вариантов экономической теории и предлагает выбирать странам те варианты этой теории, которые соответствуют их этапам экономического развития: «Новые теории, как мы покажем в дальнейшем, возникая в качестве ответа на некий внешний вызов, чаще всего являются продуктом кумулятивного развития знания в предшествующие периоды. Следовательно, присущее абсолютизму высокомерие в отношении теоретических наработок прошлого затрудняет поиск «строительного материала» и отдаляет срок «постройки» новой концепции, лучше «предшественницы» отвечающей запросам очередного витка социально-экономического развития. Кроме того, доминирование в современном «основном

течении» экономической науки принципа анализа с «высот сегодняшнего дня» и абсолютизация тезиса «причесывать всех под одну гребенку» / one size fits all препятствует выработке развивающимися странами эффективной политики догоняющего развития, ведет к трансплантации в их экономическую практику не соответствующего проживаемой стадии развития хозяйственного инструментария. В конечном счете, именно этим можно объяснить близорукость экономической политики последних десятилетий в странах-лидерах мировой экономики, не говоря уже о развивающихся государствах, копирующих инструменты экономической политики и институциональные структуры ведущих стран мира без учета своего места на шкале времени, что не позволяет им вырваться из «ловушки отсталости» и догнать ушедших вперед. Выход из данного методологического тупика, с нашей точки зрения, возможен при вплетении в ткань релятивистского подхода технико-технологического фактора в социально-историческом контексте» (Стр. 9, 10)².

Близорукость экономической политики последних десятилетий в некоторых странах, в том числе и в России, происходит не потому, что копируются инструменты экономической политики и институциональные структуры ведущих стран мира без учета своего места на шкале времени, а потому, что эти инструменты и структуры не соответствуют привычным способам взаимодействия акторов в этих странах. Изменения в этих способах взаимодействия не могут произойти только вследствие изменения законодательства, а требуют достаточно долгого процесса обучения, причем полный разрыв со старыми способами взаимодействия, как правило, просто невозможен. Социальные («производственные») отношения, вопреки марксистской точке зрения, не полностью определяются «производительными силами», а являются результатом исторического культурного развития народа. Успех китайских реформ происходит именно из того, что изменения не полностью порывали с прошлым и осуществлялись постепенно. Неуспех российских реформ произошел именно из-за «шоковой терапии» и ослабленного государства, а также предположения о спонтанности и квазимгновенности процесса обучения. Экономика – это, прежде всего, процесс координации, переговоров и адаптации путем обучения, а не конкурентное безмолвное столкновение максимизирующих свои полезности индивидов. А именно такое видение разделяли российские «реформаторы». Экономическое поведение является социально и культурно детерминированным. Регулярность в экономике происходит от того, что экономические акторы, принадлежащие определенной регионально-отраслевой общности, ведут себя, следуя соответствующим этой общности правилам, за которыми стоят определенные убеждения, разделяемые членами общности. Эти правила и убеждения сконструированы людьми и поэтому в принципе могут быть изменены. Однако на пути такого изменения стоят привычки и определенное социальное воспитание, через которое проходит каждый член сообщества. Замена привычек может происходить только постепенно при достаточно длительном ином воспитании, нацеленном на это изменение³.

Является ли экономика наукой?

Автор хочет решить в своей книге «следующие исследовательские задачи:

- 1) проанализировать эволюцию господствующих экономических теорий в контексте изменений технико-экономического ландшафта глобальной экономики;
- 2) доказать, что направление движения основного концептуального течения всегда «стыковалось» с развитием технологического базиса и отвечало практическим задачам стран-лидеров мирового хозяйства;
- 3) найти взаимосвязь между появлением «эпохальных инноваций» / epochal innovations и изменением облика «основного канона» экономической теории» (Стр. 10, 11).

² Здесь и далее в круглых скобках указываются номера страниц в книге Ал. А. Мальцева.

³ Такое видение процесса социальных изменений было четко сформулировано Джоном Дьюи (Ефимов, 2016а).

Постановка и попытка решения этих задач автором основывается на гипотезе материалистического детерминизма экономического развития, фактически на марксистском положении об определении «производственных отношений» характером «производительных сил» и на гипотезе относительно господствующей экономической теории как «более или менее правдивого отражения современных ей условий» (Стр. 11)⁴. Экономическая мысль на всем протяжении своего развития, начиная с античности и средневековья, характеризуется автором как «научная мысль». Однако такая трактовка экономической мысли основывается на аристотелевском понимании науки, а не на том, как она понимается в естествознании после научной революции XVII-го века. При такой трактовке понятия «наука» теология также является наукой, однако она вовсе не нацелена на «более или менее правдивое отражение современных ей условий», а на фантастическое объяснение мира, нацеленное на определенное регулирование жизни общества. Теологическое теоретизирование было всегда ориентировано не на отражение существующего, а на формулирование должного. Нередко это должное совпадало со статус-кво, и тем самым теоретизирование служило обоснованием, оправданием и легитимацией этого статус-кво. «Основной канон» экономической теории значительно плодотворнее понимать на основе его родства с теологией, чем понимая его как науку. Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? По мнению профессора экономики Мэрилендского университета Роберта Нельсона, члены сообщества академических экономистов выполняют традиционную роль священнослужителей. Он считает, что мощная религия, которую они проповедуют, представляет собой светскую (мирскую) религию, или, правильнее сказать, некоторое множество светских религий, развитых в теориях ведущих экономических школ современности (Nelson, 2001).

Приводя высказывания отдельных мыслителей, автор по существу нередко отходит от своих двух основополагающих гипотез и характеризует экономическую мысль не как отражательную, а как предписывающую, нормативную, например: «Не ждите дефицита пшеницы, чтобы открыть свои житницы, – писал Василий Великий. – Не наживайте золота на голоде, так же как не пользуйтесь повсеместной нищетой, чтобы копить богатство» (Стр. 29). Причем нормативность эта, как правило, была нацелена на оправдание привилегированного положения одних социальных групп и подчинённого положения других, «например, святой Антонин напрямую указывал: «созерцать Бога... призваны немногие. Масса людская существует для того, чтобы делать повседневную работу»; «если вещи будут общими ... они будут плохо возделываться и управляться. Добродетели милосердия, щедрости, радушия и великодушия будут невозможны в мире, лишенном частной собственности» или «разделение земель не только допустимо, но и выгодно для человечества. Без частной собственности ... о вещах будут плохо заботиться и мир между людьми будет невозможен» (Стр. 34).

Перформативная роль экономической мысли

Автор хорошо характеризует «новый хозяйственный уклад XVI–XVIII столетий, зарождавшийся в Европе» как «во-первых, становление городской промышленности, стимулировавшее активизацию межгородского товарообмена и формирование внутреннего рынка, захватывавшего всю территорию страны; во-вторых, всеохватная регламентация государством хозяйственной деятельности, нацеленная прежде всего на форсированное развитие национальной промышленности и поощрение торговли; в-третьих, утверждение нового хозяйственного «идеала» самодостаточного государства в результате смены модели

⁴ Анализ экономической истории и эволюции господствующих экономических теорий показывает, что обе эти гипотезы неверны. В частности, применительно к экономической истории я это делаю в своих работах (Yefimov, 2001; 2003; Ефимов, 2009; 2010), а относительно истории магистрального направления в экономической дисциплине в работах (Ефимов, 2011; 2014; 2016б). Из-за ложности положенных в основу исследования гипотез исследовательская задача, сформулированная Ал. А. Мальцевым, с самого начала была обречена на неудачу.

«замкнутого города» на «замкнутое государство». Далее автор утверждает, что, «отражая эти реалии, экономическая мысль данного периода начала освобождаться от теолого-философской «опеки» и обретать эмпирический характер, выразившийся в выработке конкретных политико-экономических рекомендаций для управления страной» (Стр. 38). Данная фраза была бы отчасти правильной, если бы вместо слова «эмпирический» автор использовал бы слово «практический». Собственно об этом автор и говорит далее: «В чем же заключались практические предписания европейской экономической мысли XVI–XVIII столетий? Опорной точкой новой экономической доктрины стал принцип строгого баланса доходов и расходов, а его сердцевина – поддержание активного торгового баланса провозглашалось обязательным условием процветания государства. Основным способом претворения в жизнь данной хозяйственной максимы стали призывы к наращиванию экспорта с аккумулярованием в государственной казне получаемых в оплату драгоценных металлов, минимизации импорта и концентрации всех усилий государства на достижении максимально возможной самообеспеченности страны последовательным развитием собственных производительных сил» (Стр. 39). Густав Шмоллер применительно к Германии выразил это следующим образом: «Вопрос в Германии в 1680–1780 годах состоял не в том, является меркантилистская политика необходимой и желательной, относительно чего имелось согласие, что было совершенно правильным. Идеалы меркантилизма, хотя и представленные в преувеличенной форме и слишком резко выраженные в односторонних экономических теориях, не означали практически ничего другого, как энергичную борьбу за создание разумного государства и разумной национальной экономики» (*Schmoller, 1897. P. 76*).

Далее в книге автор правильно указывает, что экономическая мысль конца XVIII в. – первой половины XIX в. сконцентрировалась на обосновании необходимости *laissez-faire*. По мнению автора, «перестановка акцентов [с политики и морали на экономику] трансформировала метод познания окружающей реальности: социальную метафизику <...> постепенно вытеснил позитивизм <...>, постулирующий приоритет опирающегося на эмпирическое обоснование научного знания над всеми другими его формами» (Стр. 62). На самом деле никакого приоритета эмпирического не произошло.

Книга «Богатство народов» Адама Смита получила такое огромное влияние только потому, что удачно выразила идеологическую систему, в которой были заинтересованы господствующие агенты капиталистического общественного порядка, в принятой в то время форме моральной и политической философии, преподаваемой в университетах⁵.

Ал. А. Мальцев правильно характеризует философскую суть пропагандируемой экономистами теории: «Ее философское содержание заключалось в вытеснении холистского учения меркантилистов с его приоритетом общественных интересов над частными индивидуалистическим подходом, утверждавшим, что «высшая точка зрения, которой регулируются все отношения в обществе, – это интересы частных лиц». Отсюда вытекал принципиальный вывод экономического характера: основной пружиной, приводящей в движение хозяйственный механизм, становится конкуренция между индивидами, движимыми эгоистическими мотивами поведения, «приумножающая» тем самым богатства общества. Соответственно, роль государства в новых условиях хозяйствования перенастраивалась на максимально оперативное блокирование попыток ограничения свободной конкуренции, т.е. поддержание в работоспособном состоянии рыночного механизма, объединяющего «разрозненно действующих эгоистов в упорядоченную систему, обеспечивающую общее благо» (Стр. 63). Да, философское содержание здесь изложено верно, но только никакого отношения к научному эмпирическому исследованию эти философские положения не имели. Ал. А. Мальцев пишет, что А. Смит в его знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» «заточил

⁵ Как известно, сам Адам Смит читал курс нравственной философии в Университете Глазго.

теоретико-концептуальный каркас под практические нужды складывавшегося хозяйственного уклада». С этим можно согласиться только в том случае, если под «практическими нуждами» понимать необходимость для нарождающегося класса промышленников оправдания и идеологической легитимации хозяйственного уклада, в котором промышленники имели бы максимально возможную и минимально ограниченную власть (Ефимов, 2016б. С. 119-120, 142-143).

В связи с вышеизложенным вряд ли можно согласиться с выводом автора, что «возникновение классической политической экономии ознаменовало начало превращения экономики из «искусства», ограничивающегося формулированием «руководств к действию», в «науку», пытающуюся вскрыть устойчивые закономерности и истинную суть хозяйственных явлений, прячущихся за внешней изменчивостью реального мира» (Стр. 80). Эта «наука» не «вскрывала» никаких «устойчивых закономерностей» и «истинной сути хозяйственных явлений», а выполняла, по выражению Роберта Хайлбронера, поддерживающую существующий социальный порядок идеологическую функцию (Хайлбронер, 1993. С. 53). Хайлбронер уточняет, что в этой своей идеологической функции экономическая «наука» вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти», и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» (Heilbroner, 1988. P. 7-8).

Вызывает удивление объяснение автором возникновения маржиналистской революции, исходя из того, что «экономической науке предстояло ответить на вопрос, как может функционировать и не разрушаться хозяйственная система, состоящая из индивидов, преследующих сугубо эгоистические цели», и которая «привела к окончательному разграничению некогда единой политической экономии на позитивную науку, «устанавливающую закономерности», и нормативное искусство, призванное сформулировать «практические правила действия» (Стр. 82, 83). Ведь на указанный вопрос ответ уже был дан Смитом, правда, без использования математического аппарата, а с помощью его понятия «невидимой руки». Ну а заявление, что эта «революция» превратила политическую экономию в позитивную науку, «устанавливающую закономерности», также не выдерживает критики, так как ни одним из героев этой революции какие бы то ни было исследования по выявлению этих закономерностей никогда не проводилось. Удивление это тем сильнее, что среди литературы, использованной автором в монографии, имеется статья Филипа Майровски «Физика и маржиналистская революция» (Mirowski, 1984; Майровски, 2012), которая вскрывает иррациональную природу этой «революции». Возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области экономической науки, а просто как совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей области знания, а именно термодинамики. Майровски свидетельствует об очень низком уровне познаний в области физики и математики⁶ всех трех «первооткрывателей» маржинализма. Их использование термодинамической метафоры в своих теоретических построениях было чисто механическим. Вряд ли можно ожидать успехов в понимании реальных экономических явлений от направления экономической дисциплины, стартовавшего таким образом.

Приходится сожалеть, что в книге Ал. А. Мальцева воспроизводятся без всякого критического рассмотрения как неоспоримые истины интеллектуальные глупости экономического мейнстрима: «в методическом плане возобладание маржинализма означало превращение экономики как области знаний из дескриптивно-нормативной в чисто позитивную науку, сделавшее ее «принципиально независимой от какой-либо этической позиции или нормативных

⁶ Французский исследователь профессиональной деятельности Леона Вальраса отмечает, что он провалил вступительные экзамены в Политехнический институт (*Ecole Polytechnique*) и, три года проучившись на первом курсе Горного института (*Ecole des Mines*), так и не получил диплома о высшем образовании, а также, что он был жалким (*piètre*) математиком (Dumez, 1985. P. 18-19).

(предписывающих. – Ал. М.) суждений. При этом переориентация экономической науки на изучение последствий «сил природы» вкупе с формальным исключением из ее поля зрения людей позволила Л. Вальрасу и У. С. Джевонсу с полным правом считать чистой политической экономии «совершенно похожей на физико-математические науки» и утверждать, что «все экономисты будут учеными настолько, насколько будут математиками» (Стр. 85)⁷.

Далее Ал. А. Мальцев пытается «доказать соосность смены направления теоретических изысканий маржиналистов и сдвигов в технико-институциональной структуре экономики наиболее развитых стран мирового хозяйства того [современного им] периода». Начинает он «с поиска ответа на вопрос, являлось ли представление человека как дегуманизованного элемента социальной массы, состоящей из множества подобных роботоподобных людей, запрограммированных на «погоню за эффективностью и упорядоченностью», плодом теоретической фантазии экономистов-неоклассиков или схематичным описанием реального индивида *belle époque* 1870–1910-х гг» (Стр. 90). Автор приводит количественные данные, которые как бы свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что неоклассики описывали «реального индивида *belle époque* 1870–1910», так как «параллельно с технико-организационными сдвигами происходила «девитализация» роли человека в хозяйственной жизни» (Стр. 91). Это как раз тот случай, когда числа могут только натолкнуть на какие-то гипотезы, но никак не подтвердить их. Для того, чтобы понять, «являлось ли представление человека как дегуманизованного элемента социальной массы, состоящей из множества подобных роботоподобных людей, запрограммированных на «погоню за эффективностью и упорядоченностью»», отражающим реальность или выдумкой, нужно было вступить в контакт с людьми той эпохи, что неоклассики в принципе никогда не делали. Институционалисты же это делали очень активно. Так, аспирант Джона Коммонса Джон Фитч в течение десяти месяцев 1907-1908 гг. проводил исследование-расследование на металлургических предприятиях в районе Питтсбурга, по результатам которого написал книгу, которая была первоначально опубликована в 1910 году и продолжает переиздаваться до сих пор (*Fitch, 1989*). В этой книге приводится небольшой кусочек интервью Фитча с рабочим-металлургом Джоном Гричуолдом (*Резерфорд, 2012. С. 95*), из которого можно заключить, что этот рабочий, погруженный не по своей воле в дегуманизованные условия труда, не очень похож на «дегуманизованного роботоподобного элемента социальной массы». Образы французских рабочих и представителей других социальных слоев Франции того времени можно почерпнуть из двадцатитомной эпопеи «Ругон-Маккарь» классика мировой литературы Эмиля Золя, который, прежде чем писать свои романы, проводил исследования-обследования. Его описания в таком, например, романе этой эпопеи, как «Жерминаль», не очень-то подтверждают гипотезу Ал. А. Мальцева.

Далее автор ищет эмпирические подтверждения маржинизма, обращаясь к данным по заработной плате и социальному обеспечению. Однако было бы большой натяжкой объяснить безусловное повышение уровня жизни рабочих как результат соотношения спроса и предложения в равновесной неоклассической модели. Институционалистами начала прошлого века теория конкурентного рынка труда не рассматривалась как полезное руководство для понимания существующих реалий, важнейшим элементом которых был так называемый рабочий вопрос, который был «вопросом трудовых отношений, деятельности профсоюзов и действий против них, забастовок и насилия, контрактов «желтой собаки»⁸ и судебных запретов. Это направило первые несколько поколений американских экономистов труда на такие темы исследований, как рабочее движение и его мотивации и цели, условия труда и жизни трудящихся, управленческие практики и деятельность на

⁷ Опровержение этого положения см. в моей статье (*Ефимов, 2014*) или в гл. 6 и Приложении 2 моей книги (*Ефимов, 2016б*).

⁸ Контракты «желтой собаки» — это были контракты найма, запрещающие членство в профсоюзах.

рабочем месте, которые могут повлиять на производительность труда и моральное состояние и выбор возможных путей улучшения трудовых отношений и посредничества в конфликтах» (*Резерфорд, 2012. С. 92*). То, что тогда изучал Джон Фитч, было тем, что он назвал «политикой по отношению к рабочим ничем не сдерживаемого капитала» (*Fitch, 1989. P. 192*). Борьба рабочих, страх промышленников перед возможностью революции и деятельность экономистов-институционалистов в Германии и США - вот, что привело к повышению уровня жизни рабочих. В Англии, где институционалистское движение было подавлено в колыбели, промышленники и правительство последователи примеру Германии и США. Свидетельства относительно борьбы рабочих США можно найти в книге Говарда Зинна «Народная история США» (*Зинн, 2006*), где описываются столкновения рабочих с полицией, нередко заканчивающиеся гибелью людей.

Желание Ал. А. Мальцева найти в реальной жизни подтверждения маржинализму столь велико, что он подчас забывает о своем первоначальном замысле показать, что маржинализм был создан в 1870-х годах как отражение действительности, и переходит к более поздним годам, показывая в лучшем случае, как маржинализм повлиял на действительность: «Утверждению гедонистического императива маржиналистской концепции благоприятствовал колоссальный рывок в развитии технологического прогресса, одним из основных индикаторов которого, согласно современным работам, выступает появление новых видов товаров... Однако широкое использование данных новшеств в быту сдерживалось по-прежнему сильным культурологическим стереотипом – «наслаждение можно найти только в труде и в аскезе». Устранение подобного социально-психологического барьера, препятствовавшего поступательному развитию производительных сил, требовало формирования новой ценностной парадигмы, центральным элементом которой выступала индивидуализация потребления и культивирование консьюмеризма (Стр. 97-98).

В результате своего анализа маржинализма автор делает вывод, что «вызревание «революционной ситуации» в недрах экономической науки в последней четверти XIX столетия детерминировалось <...> усиливавшимся расхождением между экономической теорией и практикой хозяйственного строительства, когда классическая политэкономия, опиравшаяся на миллевскую традицию, оказалась не способной дать адекватное описание стремительно изменявшемуся технико-институциональному ландшафту мирового хозяйства» (Стр. 115). Этот вывод мне представляется противоречащим правильному утверждению автора, зафиксированному на следующей странице: «Столь критикуемая модель «калькулирующего человека» – облаченного в математические одежды бентамистского гедониста, подчиняющего всю свою деятельность максимизации личного удовольствия, являлась «собирательным образом», вызревшим в чреве классической политической экономии на основе синтеза дедуктивного метода Д. Рикардо, методологического индивидуализма Дж. С. Милля и принципа убывающей предельной полезности Г. Г. Госсена» (Стр. 116), то есть по существу, если принять во внимание, что концепция равновесия практически равноценна понятию невидимой руки, то можно утверждать, что единственная заслуга маржинализма состоит в том, что он одел идеи смитовско-миллевской политической экономии в некоторые математические одежды. Ну и совсем в виде малообоснованного лозунга звучит утверждение автора, что «обвинения маржиналистов в десоциализации и примитивизации экономической науки не имеют под собой достаточных оснований. В самом деле, одним из важнейших следствий маржиналистского «переворота» стало углубление абстракции исследований, а также окончательная легитимация освобождения экономической теории от элементов нормативного анализа» (Стр. 115).

О маргиналистах «второго призыва»

Родимое пятно маржинализма, появившегося как совершенно иррациональная произвольная переинтерпретация термодинамической формулы (*Mirowski, 1984; Майровски, 2012; Ефимов, 2012*), предопределяет иррациональный характер всего последующего «основного канона», созданного на базе маржинализма. Это относится и к маргиналистам «второго призыва», которые, по мнению Ал. А. Мальцева, «воскресли» смитианский дух сочетания «высокой теории» и практики, вернули «видимой руке» государства право корректировать неисправности рыночного механизма и более жизненно прорисовали человеческое поведение, тем самым заложив первые «кирпичи» в фундамент кейнсианской теории» (Стр. 116). Кейнс, ученик Маршалла, несмотря на весь свой практический опыт, был безусловно отмечен этим родимым пятном. Достаточно живуч миф о том, что не институционалисты, а Кейнс способствовал остановке экономического кризиса 1930-х годов, однако «Кейнс прибыл в Вашингтон в 1934» и заметил, что «вдруг, словно неожиданно для себя самого, государство стало важнейшим инвестором, щедро вкладывая деньги в дороги, дамбы, зрительные залы, аэродромы, порты и жилищное строительство». «В результате вышедшая в 1936 году «Общая теория ...» предлагала не столько новую и радикальную программу действий, сколько защиту уже активно применяющегося образа действия» (*Хайлбронер, 2008. С. 351, 352*). Кейнс просто одел формулировку уже практикуемой экономической политики в одежды, сотканые из маргиналистской материи, что и привело Кейнса в классики экономической дисциплины. Как писал по этому поводу Шумпетер, «аппарат был создан Кейнсом для удобства изложения некоторых фактов «мира, в котором мы живем», хотя, как подчеркнул сам автор, эти факты несут на себе отпечаток ряда свойств его основных теоретических концепций (склонности к потреблению, предпочтения ликвидности и предельной эффективности капитала), но не являются «логически необходимыми свойствами»» (*Шумпетер, 2004. С. 50*). Конечно Скидельски прав, говоря, что «Кейнс никогда бы не написал такого рода книгу, если бы мировая экономика в 1929–1932 гг. не потерпела крах». Однако не детальное изучение краха полностью продиктовало развиваемые им в книге положения, а в значительной степени эти положения были продиктованы его маргиналистским подходом. Успех в профессии был обеспечен только тем, кто следует основному канону. Джоан Робинсон из кембриджской команды Кейнса стала известной благодаря своей книге «Экономическая теория несовершенной конкуренции» (*Робинсон, 1986*). Можно предположить, что она написала ее только для того, чтобы быть принятой в кембриджскую команду, так как впоследствии не очень ей гордилась. В целом можно согласиться с такими оценками Ал. А. Мальцева относительно кейнсианской революции, как отсутствие эпистемологического разрыва исследовательской программы кейнсианцев с последователями неоклассики и что она служила слому прочно укоренившихся философских основ неоклассической «веры» в абсолютную эффективность свободных рынков в качестве единственного инструмента оптимальной аллокации ресурсов (Стр. 144-145). А вот с такой оценкой некейнсианства вряд ли можно согласиться: «Корни послевоенного парадигмального доминирования «обновленной» версии идей Дж. М. Кейнса следует искать не в теоретической эlegantности, а в практико-ориентированном характере исследовательской программы некейнсианцев, чьи рекомендации полностью удовлетворяли задачам строительства развитой индустриальной цивилизации» (Стр. 172). На самом деле некейнсианцы просто устранили из учения Кейнса то, что было неуютно бизнес-сообществу: «Дело в том, что восстановленный некейнсианцами равновесный мир-рынок мог поддерживаться в этом состоянии лишь свободными от «иррациональных мотивов поведения» участниками, которые «как бы по мановению невидимой руки» участвуют в любой транзакции, сулящей им экономическую выгоду» (Стр. 150).

Раздел «Ситуативный характер монетаристского мятежа» автор начинает следующим образом: «Пришедшая на смену «эпохе безмятежности» «эра

турбулентности» 1970–1980-х гг. стала рубежной вехой в социально-экономическом развитии промышленно развитых государств, ознаменовав начало кризиса полтора столетия доминировавшего индустриального типа организации общества и ускорив вызревание предпосылок для становления постиндустриальной цивилизации. С позиции экономической мысли выход мирового хозяйства на новый исторический рубеж стал детонатором крушения четвертьвековой монополии кейнсианства в экономическом анализе и активизировал процесс возрождения популярности интеллектуальной антитезы учения Дж. М. Кейнса – неоклассики, среди множества течений которой лидирующие позиции заняли концепция монетаризма» (Стр. 174). Ключевым здесь является понятие «постиндустриальная цивилизация». Ал. А. Мальцев дает пояснение этого понятия и связанное с ним объяснение необходимости перехода от кейнсианства к монетаризму следующим образом: «Приходится констатировать, что в 1970-е гг. западные правительства не смогли своевременно уловить тенденцию к постепенному смещению центра тяжести отраслевой структуры экономики от материало- и капиталоемких отраслей, составляющих каркас индустриального хозяйства, к наукоемким, сервисным секторам, формирующим сердцевину постиндустриального строя. Справедливости ради, признаем: пространство для структурных маневров серьезно ограничивала необходимость противодействия систематическому минерально-сырьевому «шантажу» Третьего мира и удовлетворения постоянно возраставших требований населения повысить уровень социальной защищенности для компенсации размываемых инфляцией доходов. Эти обстоятельства объясняют пролонгацию «жизненного цикла» терявшей свою эффективность кейнсианской модели «большого правительства» и становившейся все более затратной для кризисных условий 1970-х гг. парадигмы «государства всеобщего благоденствия» (Стр. 183).

Изучение возвышения монетаристских идей в сообществе западных экономистов, средствах массовой информации и в правительственных кругах показывает натянутость гипотезы автора. Попытка Ал. А. Мальцева, «абстрагируясь от идеологических баталий, доказать объективный характер изменения ценностного окраса мейнстрима», установив «технично-экономические предпосылки перехода от преимущественно умеренного коллективистского мышления к организации анализа на базе принципов радикального индивидуализма» (Стр. 187), явно не удалась. Рост влияния монетаризма неотделим от необыкновенного возвышения неолиберализма, истории развития которого в книге совсем нет места. Неолиберализм, как известно, является детищем прежде всего экономистов (*Becchio and Leghissa, 2016*), и проследить его историю, как историю эволюции сообщества экономистов, очень важно. Было бы здорово, если бы Ал. А. Мальцев взялся за эту задачу, рассматривая историю монетаризма. Информирование российского общества о такой истории монетаризма особенно важно потому, что позволит россиянам лучше понять свою недавнюю отечественную историю, так как каток монетаризма безжалостно прошелся по их стране. При этом начинать эту историю нужно с парижского Коллоквиума Липмана (*Audier, 2012*), а потом проследить развитие экономической мысли под воздействием холодной войны. Необходимо в этой истории обязательно отразить правдивые истории таких организаций, как Комиссия Коулза⁹, Общества Мон-Перелин (*Mirowski and Plehwe, 2009*), экономический факультет Чикагского университета (*Freedman, 2008*) и Комитет по премии Центрального банка Швеции (*Sveriges Riksbank*) в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля¹⁰. Важно также воспроизвести историю навязывания странам, в том числе России, монетаристской политики, правдиво рассказав о механизмах этого навязывания (*Ослунд, 1996*).

⁹ Комиссия Коулза по исследованиям в экономике представляла собой научно-исследовательский институт, основанный и финансируемый бизнесменом Альфредом Коулзом (Alfred Cowles).

¹⁰ Так называемую Нобелевскую премию по экономике многие аналитики, занимавшиеся историей ее возникновения, характеризуют как самое великое интеллектуальное мошенничество XX века. См. статью «Нобелевская премия по экономике? Нет Нобелевской премии по экономике» (*The Nobel Prize in Economics? There Is No Nobel Prize in Economics*. (<http://exiledonline.com/the-nobel-prize-in-economics-there-is-no-nobel-prize-in-economics/>)).

Что дала теория игр экономической науке?

Натянутость рассуждений в разделе «Эмпирические причины бихевиористского поворота» также очевидна. Переход на теоретико-игровую схему рассуждений не внес каких-то принципиальных новшеств и может рассматриваться как продолжение неоклассической парадигмы. Так же как и исходная неоклассика (маржинализм) возникла на иррациональной основе использования термодинамической формулы, так и использование математической теории игр для «исследования» экономики было совершенно иррациональным. Я это уже давно показал в своей статье (Ефимов, 1978). Начала математической теории игр положила работа Джона фон Неймана 1928 г. «Zur Theorie der Gesellschaftsspiele». Русский перевод названия этой статьи, следующий английскому переводу, «К теории стратегических игр» (Нейман, 1961), не совсем верен. Правильнее было бы перевести «К теории салонных игр». Фон Нейман поясняет предмет своего математического исследования – салонную игру – следующими словами: «В это понятие укладываются очень многие довольно разнообразные вещи: от рулетки до шахмат, от бакара до бриджа, распространяются различные варианты общего понятия салонной (в русском и английском переводах было: стратегической. – В. Е.) игры. И в конце концов, любое событие с данными внешними условиями и данными действующими лицами (предполагая абсолютную свободу воли последних) можно рассматривать как салонную (в русском и английском переводах было: стратегическую. – В. Е.) игру, если иметь в виду его обратное действие на этих лиц» (Нейман, 1961. С. 173-174). Далее в сноске фон Нейман дополняет: «Это основная проблема классической экономики; как поступит абсолютно экономичный *homo oeconomicus* при данных внешних условиях?» (Нейман, 1961. С. 174). Эта последняя аналогия между поведением человека в салонной игре и в экономической жизни и послужила основой для знаменитой монографии фон Неймана и Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение». В книге формулируется следующее методологическое положение: «Для экономических и социальных проблем игры выполняют – или должны выполнять – ту же роль, которую различные геометрические модели с успехом осуществляют в физических науках» (Нейман и Моргенштерн, 1970. С. 58). Ход рассуждений фон Неймана и Моргенштерна о теории игр как теории экономического поведения сводится примерно к следующему: салонные игры являются хорошими моделями экономического поведения, математическая теория игр является математической теорией салонных игр, отсюда следует, что математическая теория игр является теорией экономического поведения. В послесловии к русскому переводу этой книги редактор перевода пишет следующее: «Книга называется «Теория игр и экономическое поведение», а в первой же ее фразе авторы указывают, что ее цель – рассмотреть некоторые фундаментальные вопросы экономической теории. Таким образом, может создаться впечатление, что книга посвящена экономике, а именно приложениям к экономике методов теории игр. Однако в действительности, содержание монографии – чисто математическое» (Воробьев, 1970. С. 650).

Теория игр фон Неймана была изначально создана как математическая теория салонных игр, которые, безусловно, являются в свою очередь очень специфическими моделями социальной жизни. Взяв теоретико-игровую схему в качестве основы построения лабораторных экспериментов, Дэниэл Канеман и Амос Тверски (Kahneman and Tversky, 2000) под лозунгом «поведенческой экономики», а также Чарльз Плотт и Вернон Смит (Plott and Smith, 2008; Смит, 2008) под лозунгом «экспериментальной экономики» упростили экономическую реальность до уровня салонной игры. Это они сделали, следуя фон Нейману, который полагал, что «любая социальная ситуация» может быть «редуцирована до шахмат» (Леонард, 2006. С. 277). Почти сорок лет тому назад я писал по этому поводу: «На языке понятий теории игр, а, следовательно, на языке категорий салонных игр (стратегия, платеж) нельзя отразить самого главного в поведении индивида в социально-экономических системах, а именно, структуры ролей» (Ефимов, 1978. С. 173). Сейчас

я бы не стал апеллировать к понятию роли, но так как социальная роль определяется совокупностью норм поведения, то утверждение в целом остается верным. Теоретический язык у этих авторов во многом позаимствован у стандартного микроэкономического подхода. Он у них просто несколько «усовершенствован».

Работы психологов Канемана и Тверски можно рассматривать как результат «экономического империализма» в область психологии, а эксперименты ими, равно как Плотом и Смитом, строились в соответствии с позитивистским представлением о научном исследовании. Профессиональные психологи Канеман и Тверски игнорировали те методологические споры, которые имели место внутри их профессии, в частности на страницах журнала *American Psychologist*. Еще в 1962 г. Мартин Орн утверждал, что «поведение испытуемого в любой экспериментальной ситуации будет определяться двумя типами переменных: (а) теми, что традиционно определяются как экспериментальные переменные, и (б) его восприятием того, что от него требуется в этой экспериментальной ситуации» (*Orne, 1962*). По мнению Орна, в связи с тем, что в социальной психологии эксперимент выступает сам по себе как некоторое социальное взаимодействие, он не может строиться в соответствии с канонами классического естествознания. Ирвин Силверман публикует в 1971 году в этом же журнале статью, где он высказывается по этому поводу еще более определенно: «Модель испытуемого как только объекта в социально-психологическом эксперименте оказалась совершенно не адекватной, и поэтому данные, получаемые в экспериментах, значительно более связаны с мотивами и чувствами испытуемых относительно роли в эксперименте, чем с жизнью за пределами лаборатории»; «В условиях лаборатории происходит известное выключение испытуемого из системы реальной культуры и включение его в систему иной – «лабораторной» - культуры» (*Silverman, 1971*).

Как экономисты могут стать полезными обществу

В разделе «3.3. Глобальная волна деиндустриализации и кризис неоклассической ортодоксии» автор правильно очерчивает некоторые важнейшие проблемы современной западной экономики. Среди них – «финансиализация экономик абсолютного большинства развитых стран», которая «обернулась окончательным вытеснением «денежными менеджерами» промышленников в качестве ключевых персонажей экономической жизни. В конечном счете, это вылилось в переориентацию инновационного процесса с создания новшеств, приносящих реальный народнохозяйственный результат, на конструирование широкого спектра финансовых инструментов, которые, по меткому замечанию П. Кругмана, «никак не помогают обществу... но совершенствуют способы надувания пузырей, уклонения от законов и де-факто создают схемы Понци» (Стр. 241).

В качестве «второй фундаментальной проблемы современной модели мирового хозяйствования» автор называет «крушение общества всеобщего благоденствия и его болезненное замещение «обществом участия», «где каждому придется в большей степени отвечать за собственное благосостояние». От себя скажу, что это есть не что иное, как демонтаж, прежде всего в такой стране, как США, системы социального обеспечения, созданной при огромном участии искорененной экономической школы исходного институционализма. Во Франции, где я живу, такого демонтажа не произошло, однако то, что автор называет «набирающей силу тенденцией к размыванию несущей опоры экономической стабильности – среднего класса» (Стр. 245), в этой стране налицо и по-другому может быть названо массовым обеднением основной массы населения страны, в том числе и среднего класса, на фоне необыкновенного роста социального неравенства.

Трудно не согласиться, что «третьей ... проблемой современной мирохозяйственной практики выступает прочное укоренение концепции «запланированного устаревания»/planned obsolescence, вынуждающее потребителей, вопреки их реальным потребностям, регулярно обновлять сделанные ранее приобретения из-за заложенного в товарах производителем «запрограммированного»

выхода из строя спустя определенный промежуток времени и сдерживающее возрождение индустриального базиса на основе новых прорывных открытий» (Стр. 250). Автор совершенно резонно задается вопросом, какая экономическая наука может помочь справиться с этими негативными явлениями: «Безусловно, мы не наделены даром совершенного предвидения и не можем предсказать всю глубину последствий наметившихся технико-институциональных сдвигов. Однако, основываясь на опыте прошлого, можно предположить, что столь кардинальные изменения в технико-институциональном ландшафте мирового хозяйства потребуют глубокого пересмотра теоретического каркаса основного течения экономической науки <...> со все большей очевидностью демонстрирующего неадекватность современным реалиям» (Стр. 268).

Для того, чтобы ответить на вопрос, какая экономическая наука может помочь справиться с тремя названными выше негативными явлениями, полезно задаться другим вопросом: должна ли она помочь понять эти явления или помочь выработать меры по их устранению? Очевидный ответ: она должна выполнять обе эти функции. Наблюдая, читая и разговаривая с разными людьми во Франции, я возьму на себя смелость заявить, что общее понимание этих явлений во Франции существует. У всех трех явлений на самом деле – один и тот же источник, а именно – бесконтрольное поведение бизнес-сообщества.

Что касается первого явления, то Президент Франции Франсуа Олланд заявил во время своего первого предвыборного митинга: «Я вам скажу, кто мой соперник, мой действительный соперник. У него нет ни имени, нет лица, и он не принадлежит к какой-то партии. Он никогда не представлял свою кандидатуру на выборах. И он не будет избран. Тем не менее, он управляет. Мой противник – это мир финансов»¹¹. Есть мнение, что именно благодаря этой фразе он и добился своего избрания. Как же осуществить контроль над миром финансов и какую роль в этом должны играть экономисты? Для осуществления такого контроля нужны две вещи. Первое – это детальное знание функционирования этого мира; чтобы его контролировать его нужно знать. Причем, так как это функционирование постоянно меняется, мир финансов – очень изобретателен, то по существу нужно наладить мониторинг функционирования мира финансов. Вот эта задача и должна лечь на плечи экономистов, равно как и разработка предложений по соответствующим регламентирующим актам. Второе – это политическая воля организовать демократическое обсуждение выявленных фактов и предлагаемых регламентирующих актов, а после этого запустить демократическую процедуру принятия соответствующих политических регламентирующих функционирование финансов решений. Действующая сейчас во Франции экономическая наука не нацелена на выполнение выше названных функций мониторинга и разработки предложений по соответствующим регламентирующим актам¹², а существующая в этой стране политическая система не способна проявить выше указанную политическую волю. Президент Олланд больше не вспоминает о том, что говорил на своем предвыборном митинге¹³. Американские экономисты, принадлежащие течению исходного институционализма, выполняли и функцию мониторинга функционирования экономики и основанной на нем функции разработки соответствующих регламентирующих актов. Американское бизнес-сообщество первой половины XX-го века было ослаблено политическим и идеологическим противостоянием со своими противниками и в связи с этим даже финансировало работы по мониторингу, чтобы исключить непредвиденные политические решения и направить их в приемлемое ему русло.

¹¹ «Je vais vous dire qui est mon adversaire, mon véritable adversaire. Il n'a pas de nom, pas de visage, pas de parti. Il ne présentera jamais sa candidature. Il ne sera pas élu. Et pourtant, il gouverne. Mon adversaire, c'est le monde de la finance».

¹² Такие французские экономисты, как Мишель Аглиетта, осуществляют отдельные элементы такого мониторинга (Aglietta and Rigot, 2009; Aglietta, Khanniche and Rigot, 2010), однако ни он, ни его коллеги не вовлечены в разработку проектов соответствующих законодательных актов.

¹³ Несколько лет назад вышла книга под названием «Мой друг – это мир финансов. Как Франсуа Олланд согнулся перед банкирами» (Tricornot, Thépot and Dadieu, 2014).

Что касается второго явления, то одним из важных элементов предвыборной кампании Президента Барака Обамы было восстановление отброшенной в послевоенной Америке системы социального обеспечения, существовавшей до этого и разработанной в свое время исходными институционалистами. В частности, речь шла о системе медицинского страхования. Неприспособленность американской политической системы к подобного рода реформам сейчас очевидна всем. Возрастание бедности и неравенства в этой стране также не находит своего решения, от которого большая часть сообщества экономистов полностью отстранилась. Не намного лучше дело обстоит и во Франции. Недавние протестные манифестации против изменения трудового законодательства во Франции в пользу патрона и в ущерб наемным работникам свидетельствуют об этом.

Ну, а по поводу третьего явления, а именно «запрограммированного» выхода из строя товаров спустя определенный промежуток времени, то я беседовал с людьми, вовлеченными в торговлю бытовой техникой. Они очень четко указали на то, что эта «запрограммированность» вводится специально для формирования спроса на их продукцию в среднесрочной перспективе. Причем, что любопытно, хваленая конкуренция изготовителей бытовой техники никак не противодействует этому явлению, вместо конкуренции получаем сговор. Для того, чтобы сказать, как бороться со вторым и третьим явлениями, я вынужден повторить то, что я уже сказал относительно первого. Экономисты должны поставлять детальное знание функционирования различных элементов экономики; чтобы ее контролировать нужно её детально знать. Причем, так как это функционирование постоянно меняется, предприниматели очень изобретательны, то по существу нужно наладить мониторинг функционирования различных элементов экономики. Вот эта задача и должна лечь на плечи экономистов, равно как и разработка предложений по соответствующим регламентирующим актам. Результаты этого мониторинга доводятся до сведения всего общества, а не только политиков, однако политики в обновленной делиберативной демократией¹⁴ системе будут обязаны организовать демократическое обсуждение выявленных фактов и предлагаемых регламентирующих актов, а после этого запускать демократическую процедуру принятия соответствующих политических, регламентирующих функционирование экономики решений. Такое вписывание профессии экономистов в систему делиберативной демократии превратит эту профессию в социально полезную, каковой она была в исходно-институционалистском сегменте профессии американских экономистов первой половины XX-го века.

О смене парадигмы экономической науки

Я с удовольствием соглашаюсь с Ал. А. Мальцевым, что нынешние экономисты-гетеродоксы мало чем отличаются от экономистов-ортодоксов и при усилении своего влияния в профессии не превратят ее в социально полезную (Стр. 277). Напротив, я никак не могу согласиться со следующим утверждением автора: «Надо перестать обвинять неоклассическую ортодоксию во всех «трехах» и лелеять тщетные надежды на создание «альтернативщиками» теории, способной в одночасье вытеснить «опостылевший» мейнстрим на идейную периферию, просто дождавшись часа, когда хозяйственные реалии сформулируют «заказ» на новую экономико-теоретическую парадигму» (Стр 278). Я предлагаю перестать понимать экономическую науку как генератора и распространителя «теорий», а вернуть понимание ее, имевшееся у исходных институционалистов, как исследовательской-расследовательской практики.

В самом конце заключения к своей книге Ал. А. Мальцев приводит слова В. М. Полтеровича, утверждающего, что «...необходимо новое понимание предмета исследования – новый ствол дерева, на котором могли бы держаться ветви.

¹⁴ Делиберативная (совещательная) демократия фокусируется на роли общественных дискуссий в принятии решений и стремлении участников к общему благу.

Основные вопросы современной экономики, социологии, политологии, права, по существу, совпадают» (Стр. 286). Несколько лет тому назад я написал открытое письмо В. М. Полтеровичу с просьбой опубликовать его на сайте «Новой экономической ассоциации» для публичного его обсуждения. Это письмо не было опубликовано на этом сайте, но позже я опубликовал его в качестве Приложения 2 в своей книге (Ефимов, 2016б). Вот некоторые отрывки из этого письма: «С большим удовольствием прочитал Вашу статью «Становление общего социального анализа»¹⁵ (). Ваша идея постепенного реформирования экономической дисциплины путем включения ее в некую общую дисциплину социального анализа просто великолепна. Я согласен с Вашим видением общего объекта исследования и единой эмпирической базы для общественных наук. Наши расхождения касаются выбора единого их аналитического аппарата. По Вашему мнению, этот аппарат должен состоять из эконометрики и теории игр, я же думаю, что таким аналитическим аппаратом должны быть так называемые качественные методы исследования ... **Хотите Вы того или нет, но утверждая, что эконометрика и теория игр должны стать общим аналитическим аппаратом для исследования социальной реальности, Вы делаете вклад в укрепление мифа о математизации как критерии научности исследовательской деятельности»** (Ефимов, 2016б. С. 338).

Напоследок я привожу таблицу с моими критическими замечаниями относительно нескольких резюмирующих книгу высказываний автора.

Таблица 1

Некоторые критические замечания

Ал. А. Мальцев	В. М. Ефимов
Полагаем, что к экономической науке полностью применима известная максима сэра И. Ньютона «все мы стоим на плечах гигантов».	Изучая биографию Леона Вальраса, который скопировал термодинамическую формулу, не понимая ее смысл (Dumez, 1985, P. 18-19; Майровски, 2012. С. 107), можно сделать вывод, что этого главного основателя мейнстрима никак нельзя назвать гигантом.
Касаясь популярного в последние годы объяснения причин Великой рецессии ошибками экономистов и памятуя о том, что «экономические идеи являются продуктом среды, в которой они возникают», хотелось бы ответить сторонникам подобного мнения словами Стендаля: «...Зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало! Обвиняйте уж, скорее, большую дорогу с ее лужами».	Математик — изобретатель, а не открыватель (Витгенштейн, 1994. С. 52). «Пародируя высказывание Маркса, можно было бы сказать, что «философы (или экономисты) только и делали, что преобразовывали мир, сейчас речь идет о том, чтобы его понять»» (Callon et Latour, 1997. P. 45).
Одной из главных первопричин хозяйственных катаклизмов, как и других социально-экономических кризисов последних столетий, на самом деле, выступает падение эффективности старых технологий широкого применения, вызывающее масштабную «инновационную паузу».	Одной из главных причин хозяйственных катаклизмов, как и других социально-экономических кризисов последнего столетия, является конфронтационное, вместо кооперативного, поведение акторов, идеологическое оправдание которого они находили в теориях экономистов.
Вопросы выбора основы, вокруг которой должна производиться модернизация экономического знания, остаются открытыми.	Основой, вокруг которой должна производиться модернизация экономического знания, должно быть возрождение и развитие исходного институционализма.
Гетеродоксы не могут противопоставить полноценную альтернативу основному течению, во многом из-за использования все тех же теоретических предпосылок, скрытых за мощным фасадом вспомогательных гипотез.	Гетеродоксы не могут противопоставить полноценную альтернативу основному течению, во многом из-за использования все той же устаревшей философии науки и социальной философии, которую нужно заменить философией прагматизма Дж. Дьюи и конструктивизмом.

¹⁵ См.: (<http://mpira.ub.uni-muenchen.de/26085/>).

Окончание Табл. 1

Ал. А. Мальцев	В. М. Ефимов
Выход экономической науки из кризиса возможен, с нашей точки зрения, через углубление сотрудничества экономистов с другими представителями социальных наук, которым следует снизить градус обоюдных претензий на то, что именно их метод является неперенным условием развития прочих обществоведческих дисциплин.	Выход экономической науки из кризиса возможен, с нашей точки зрения, через углубление сотрудничества экономистов с другими представителями социальных наук, которые разделяют прагматистский и конструктивистский подходы к исследованию социальных явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воробьев Н. Н. (1970). Развитие теории игр // Нейман Дж., фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, с. 631–702.
- Витгенштейн Л. (1994). Философские работы (Часть II, книга I), М.: «Гнозис».
- Ефимов В. М. (1978). К теории управленческих имитационных игр // Динамическая и вероятностная оптимизация экономики. Новосибирск: Наука, с. 132–174.
- Ефимов В. М. (2009). Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России: Социология, этнология*, Т. 18, № 1, с. 74–116.
- Ефимов В. М. (2010). Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. Т. 1, № 3, с. 8-91.
- Ефимов В. М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 2, № 3, с. 8-91.
- Ефимов В. М. (2012). Предисловие к статье Ф. Майровского «Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*, Т.10, № 1, с. 89–99.
- Ефимов В. М. (2014). Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, Т. 14, Вып. 2, с. 5-51.
- Ефимов В. М. (2016а). Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматистской философии // *Журнал экономической теории*, № 1, с. 50-63.
- Ефимов В. М. (2016б). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Монография. М.: Курс: ИНФРА-М, 352 с.
- Зинн Г. (2006). Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Издательство «Весь Мир».
- Леонард Р. (2006). Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса*. Вып. 6. М.: ИД ГУ ВШЭ, с. 265–300.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*, Т. 10, № 1, с. 100-116.
- Макашева Н. А. (2014). Мальцев А. А. Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия // *Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература, серия 2: экономика. Реферативный журнал*. М.: ИНИОН РАН, с. 6-12.
- Мальцев А. А. (2014). Экономические идеи и мирохозяйственные связи: ретроспектива взаимодействия. Екатеринбург: Издательство Уральск. гос. экон. ун-та.
- Нейман Дж., фон. (1961). К теории стратегических игр // Матричные игры. М.: Физматгиз, с. 173–204.

- Нейман Дж., фон и Моргенштерн О.* (1970). Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука.
- Ослунд А.* (1996). Россия: Рождение рыночной экономики. М.: Издательство «Республика».
- Резерфорд М.* (2012). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900-1930 годы // *Terra Economicus*, Т. 10, № 4, с. 91-106.
- Робинсон Дж.* (1986). Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Издательство «Прогресс».
- Смит В.* (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Хайлбронер Р. Л.* (1993). Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS*, Вып. 1, с. 41–55.
- Хайлбронер Р. Л.* (2008). Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: Издательство КоЛибри.
- Шумпетер Й. А.* (2004). История экономического анализа. В 3-х томах. Т. 1. СПб.: Экономическая школа.
- Aglietta M. and Rigo S.* (2009). Crise et rénovation de la finance. Paris: Odile Jacob.
- Aglietta M., Khanniche S. and Rigo S.* (2010). Les hedgefunds. Entrepreneurs ou requins de la finance. Paris: Perrin.
- Audier S.* (2012). Le colloque Lippmann. Aux origines du «néo-libéralisme». Lormont: Editions Le Bord de l'Eau.
- Becchio G. and Leghissa G.* (2016). The Origins of Neoliberalism: Insights from economics and philosophy. New York: Routledge.
- Callon M. et B. Latour* (1997). "Tu ne calculeras pas!" - ou comment symétriser le don et le capital // MAUSS n 9, *Le capitalisme aujourd'hui*, Paris: La Découverte.
- Dumez H.* (1985). L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris: PUF.
- Fitch J. A.* (1989). The Steel Workers. Pittsburgh, Pa: University of Pittsburgh Press.
- Freedman C. F.* (2008). Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics. Singapore: World Scientific.
- Heilbroner R.* (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York, London: W. W. Norton & Co.
- Kahneman D. and Tversky A.* (eds). (2000). Choices, Values, and Frames. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mirowski P.* (1984). Physics and the «marginalist revolution» // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 8, pp. 361-379.
- Mirowski Ph. and Plehwe D.* (Eds) (2009). The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nelson R. H.* (2001). Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Orne M. T.* (1962). On the Social Psychology of the Psychological Experiment: With Particular Reference to Demand Characteristics and Their Implications // *American Psychologist*, vol. 17, no. 11, pp. 776–83.
- Plott Ch. R. and Smith V. L.* (eds) (2008). Handbook of Experimental Economics Results. Amsterdam: North Holland.
- Schmoller G.* (1897). The Mercantile System and Its Historical Significance. New York: The Macmillan Company.
- Silverman I.* (1971). Crisis in Social Psychology: The Relevance of Relevance // *American Psychologist*, vol. 26, no. 6, pp. 583–584.

Tricornot A. de, Thépot M. et Dadieu F. (2014). Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers. Montrouge: Bayard.

Yefimov V. (2001). Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle // Economie et Société Série «Développement, croissance et progrès», «Développement – III», vol. 39, no. 9-10, pp. 1439-1473.

Yefimov V. (2003). Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan.

REFERENCES

Aglietta M. et Rigo S. (2009). Crise et rénovation de la finance. Paris, Odile Jacob.

Aglietta M., Khanniche S. and Rigo S. (2010). Les hedgefonds. Entrepreneurs ou requins de la finance. Paris, Perrin.

Aslund A. (1996). How Russia became a market economy. Moscow, Respublika Publ. (In Russian).

Audier S. (2012). Le colloque Lippmann. Aux origines du «néo-libéralisme». Lormont, Editions Le Bord de l'Eau.

Becchio G. and Leghissa G. (2016). The Origins of Neoliberalism: Insights from economics and philosophy. New York, Routledge.

*Callon M. et B. Latour (1997). "Tu ne calculeras pas!" - ou comment symétriser le don et le capital // MAUSS n°9, *Le capitalisme aujourd'hui*, Paris, La Découverte.*

Dumez H. (1985). L'économiste, la science et le pouvoir: le cas Walras. Paris, PUF.

Fitch J. A. (1989). The Steel Workers. Pittsburgh, Pa, University of Pittsburgh Press.

Freedman C. F. (2008). Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics. Singapore, World Scientific.

Heilbroner R. (1988). Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York, London, W. W. Norton & Co.

*Heilbroner R. L. (1993). Economics as Universal Science. *THESIS*, no. 1, pp. 41–55. (In Russian).*

Heilbroner R. L. (2008). The worldly philosophers: the lives, times, and ideas of the great economic thinkers. Moscow, CoLibri Publ. (In Russian).

Kahneman D. and Tversky A. (eds). (2000). Choices, Values, and Frames. Cambridge, Cambridge University Press.

*Leonard R. (2006). Value, sign, and social structure: the 'game' metaphor and modern social science. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 1997, vol. 4, issue 2, pp. 299-326. (In Russian Translation).*

*Makasheva N. A. (2014). Maltsev A. A. Economic ideas and world economic links: retrospective vision of interaction. *Social and Human Sciences, National and Foreign Literature, Series 2: Economics. Journal of Abstracts*. Moscow, INION RAS, pp. 6-12. (In Russian).*

Maltsev A. A. (2014). Economic ideas and world economic links : retrospective vision of interaction. Ekaterinburg, Publ. House of Ural State University of Economics. (In Russian).

*Mirowski P. (1984). Physics and the «marginalist revolution». *Cambridge Journal of Economics*, vol. 8, pp. 361-379.*

*Mirowski Ph. (2012). Physics and the «marginalist revolution». *Terra Economicus*, vol. 10, no. 1, pp. 100-116. (In Russian).*

Mirowski Ph. and Plehwe D. (Eds) (2009). The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective. Cambridge, MA, Harvard University Press.

Nelson R. H. (2001). Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park, The Pennsylvania State University Press.

- Neuman J.* (1961). Towards a theory of strategic games // *Matrix Games*. Moscow, Fizmatgiz, pp. 173–204. (In Russian).
- Neuman J.* and *Morgenstern O.* (1970). *Theory of games and economic behaviour*. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).
- Orne M. T.* (1962). On the Social Psychology of the Psychological Experiment: With Particular Reference to Demand Characteristics and Their Implications. *American Psychologist*, vol. 17, no. 11, pp. 776–83.
- Plott Ch. R.* and *Smith V. L.* (eds) (2008). *Handbook of Experimental Economics Results*. Amsterdam, North Holland.
- Robinson J.* (1986). *The Economics of Imperfect Competition*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
- Rutherford M.* (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900-1930. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 4, pp. 91-106. (In Russian).
- Schmoller G.* (1897). *The Mercantile System and Its Historical Significance*. New York, The Macmillan Company.
- Schumpeter J. A.* (2004). *History of Economic Analysis*. St. Petersburg, Economic School Publ. (In Russian).
- Silverman I.* (1971). Crisis in Social Psychology: The Relevance of Relevance. *American Psychologist*, vol. 26, no. 6, pp. 583–584.
- Smith V.* (2008). *Experimental Economics*. Moscow, Thought [Mysl] Publ. (In Russian).
- Tricornot A. de, Thépot M. et Dadieu F.* (2014). *Mon amie, c'est la finance. Comment François Hollande a plié devant la banquiers*. Montrouge, Bayard.
- Vorobiov N. N.* (1970). Development of the theory of games // *Neuman J.* and *Morgenstern O.* *Theory of games and economic behaviour*. Moscow, Science [Nauka] Publ., pp. 631–702. (In Russian).
- Wittgenstein L.* (1994). *Philosophical works (Part II, book I)*. Moscow, «Gnosis» Publ. (In Russian).
- Yefimov V. M.* (1978). Towards a theory of management simulation games // *Dynamic and Probabilistic Optimization of Economy*. Novosibirsk, Science [Nauka] Publ., pp. 132–174. (In Russian).
- Yefimov V.* (2001). Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle. *Economie et Société Série «Développement, croissance et progrès»*, «Développement – III», vol. 39, no. 9-10, pp. 1439-1473.
- Yefimov V.* (2003). *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris, l'Harmattan.
- Yefimov V. M.* (2009). Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 18, no. 1, pp. 74-116. (In Russian).
- Yefimov V. M.* (2010). Russian agrarian institutional system (historic and constructivist analysis). *Journal of Economic Regulation*, vol. 1, no. 3, pp. 8–91. (In Russian).
- Yefimov V. M.* (2011). Discourse analysis in economics: Methodology and history of economics reconsidered. Part II. Other history and modernity. *Journal of Economic Regulation*, vol. 2, no. 3, pp. 8–91. (In Russian).
- Yefimov V. M.* (2012). Preface to the article by Ph. Mirowski « Physics and the «marginalist revolution»». *Terra Economicus*, vol. 10, no. 1, pp. 89–99. (In Russian).
- Yefimov V. M.* (2014). How capitalism, university and mathematics shaped mainstream economics // *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 5-51. (In Russian).

Yefimov V. M. (2016a). Past and present of economics from the point of view of pragmatist philosophy. *Journal of Economic Theory*, no. 1, pp. 50-63. (In Russian).

Yefimov V. M. (2016b). Economic science in question. Other methodology, history and research practice. Moscow, Kurs: INFRA-M Publ. (In Russian).

Zinn H. (2006). People's History of the United States. Moscow, "Ves Mir" Publ. (In Russian).